

*Посвящается Мюгетте (1919–2003),
невостребованной покойнице.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Полетта Лестафье вовсе не выжила из ума, как полагали окружающие. И уж конечно, различала дни недели — а что еще ей оставалось делать в этой жизни? Считать дни, ждать, когда один день сменит другой, и тут же забывать об ушедшем. Она прекрасно знала, что сегодня среда. И была совершенно готова к выходу! Надела пальто, взяла корзинку, собрала все скидочные купоны. Она даже успела услышать, как к дому подъезжает машина Ивонны... Но ее кот крутился у двери и просил есть, она наклонилась поставить на пол миску и упала, ударившись головой о порог.

Полетта Лестафье падала часто, но это был ее секрет. О нем никому нельзя было рассказывать.

«Никому, слышишь?! — мысленно пригрозила она себе. — Ни Ивонне, ни врачу, ни — уж тем более! — мальчику...»

Нужно было медленно подняться, дождаться, когда предметы обретут нормальные очертания, натереться синтолом и замазать проклятые синяки.

Синяки Полетты никогда не бывали синими. Они были желтыми, зелеными или лиловыми и очень долго не сходили с ее тела. Слишком долго. Иногда по несколько месяцев... Их было трудно скрывать. Окружающие часто спрашивали, почему она всегда одета как в разгар зимы — в чулках и теплом жакете с длинными рукавами.

Чаше других приставал с расспросами внук:

— Бабуля, ну что за дела? Давай, разоблачайся, сними ты с себя все это тряпье, помрешь от теплового удара!

Нет, Полетта Лестафье вовсе не была безумной старухой. Она знала, что огромные синяки однажды доставят ей кучу неприятностей...

Она знала, как заканчивают свои дни бесполезные старухи вроде нее. Те, что позволяют пырею заполнить весь огород, и держатся за мебель, чтобы не упасть. Старые перчатки, не способные вдеть нитку в иголку, позабывшие, как включить радио погромче. Божьи одуванчики, которые, сидя перед телевизором, тыкают подряд во все кнопки пульта и в конце концов выключают его, плача от бессилия. Плачут крошечными горькими слезинками. И сидят перед темным экраном, закрыв лицо руками.

Так что же, все кончено? В этом доме больше не будет никаких звуков? Никаких голосов? Никогда? Только из-за того, что ты забыла цвет кнопки? Ведь твой мальчик обклеил тебе пульт цветными бумажками! Одну – для переключения каналов, другую – для громкости и третью – для включения/выключения! Ну же, Полетта! Кончай реветь и взгляни на бумажки!

Прекратите на меня кричать... Они давно отлетели, эти бумажонки... Почти сразу и отклеились... Уже много месяцев я все пытаюсь нащупать эти кнопки, ничего больше не слышу – только вижу картинки и различаю какое-то смутное бормотание...

Не кричите же так, я совсем оглохну...

2

– Полетта! Полетта, вы дома?

Ивонна злилась. Ей было холодно, она куталась в шаль и чертыхалась сквозь зубы. Ей не улыбалась мысль опоздать на рынок.

Только не это.

Она вернулась к машине, с тяжелым вздохом выключила зажигание и взяла с сиденья шляпку.

Старуха Полетта, должно быть, ушла в дальний конец сада. Она все свое время проводила там. Сидела на лавочке рядом с пустым крольчатником. Просиживала там часами, возможно, с самого утра и до позднего вечера, прямая, неподвижная, покорная, сложив руки на коленях и глядя перед собой отсутствующим взором.

Старуха Полетта разговаривала сама с собой, обращалась к мертвым, молилась за живых.

Она беседовала с цветами, с кустами салата, с синичками и с собственной тенью. Старуха Полетта теряла голову и забывала, какой сегодня день недели. А ведь сегодня среда, а среда – это день покупок. Уже больше десяти лет Ивонна заезжала за ней в этот день каждую неделю. Вдыхая, она подняла щеколду на садовой калитке: «Разве же это не ужасно...»

Разве же это не ужасно – стареть, да еще в полном одиночестве? Вечно опаздывать в супермаркет, не находить у кассы пустой тележки?»

Полетты в саду не оказалось.

Ивонна забеспокоилась. Она обошла дом и, сощурившись, заглянула в окно, пытаясь понять, в чем дело.

«Иисус милосердный!» — воскликнула она, заметив лежащую в кухне на кафельном полу подругу.

Разволновавшись, женщина наспех перекрестилась, прошептала слова молитвы, перепутав Бога Сына со Святым Духом, выругалась и отправилась в сарайчик за инструментом. Она разбила стекло садовой сапкой и героическим усилием подтянулась к оконной раме.

Ивонна проковыляла через комнату, опустилась на колени и приподняла голову старой дамы из розовой молочно-красной лужицы.

— Эй, Полетта! Вы что, умерли? Умерли, да?

Кот с урчанием вылизывал пол — ему были глубоко безразличны и случившаяся драма, и приличия, и даже осколки стекла на полу.

Ивонну попросили подняться в машину скорой помощи, хотя она к этому вовсе не стремилась. Но надо было уладить формальности и оговорить условия госпитализации.

– Вы знаете эту женщину?

– Еще бы мне ее не знать! – возмутилась Ивонна, – Мы вместе ходили в коммунальную школу!

– Вы должны поехать с нами.

– А как же моя машина?

– Да не улетит она, ваша машина! Мы вас живо доставим обратно.

– Хорошо... – сдалась она. – Съезжу за покупками позже...

Внутри было ужасно неудобно. Она с трудом втиснулась на крохотную табуретку рядом с носилками и сидела, сжимая сумочку и стараясь не потерять равновесия при каждом повороте.

Вместе с ней ехал санитар, молодой парень. Он чертыхался, потому что никак не мог попасть больной в вену, и Ивонне это не понравилось:

– Не выражайтесь так, – бормотала она, – не выражайтесь... Что это вы с ней делаете?

– Пытаюсь поставить капельницу.

– Что поставить?

По взгляду молодого человека она поняла, что лучше ей попридержать язык, и стала причитать себе под нос: «Вы только посмотрите, как он с ней обращается, да он ей всю руку исколол, нет, вы только посмотрите... Какое безобразие... Не могу больше смотреть... О пресвятая Дева Мария, заступись за нее... Эй! Вы же делаете ей больно!»

Он стоял рядом и подкручивал колесико на трубке, регулируя интенсивность тока. Ивонна считала капли и молилась, путаясь в словах. Вой сирены мешал ей сосредоточиться...

Она положила руку Полетты себе на колени и машинально теребила ее, словно подол юбки. Страх и тоска мешали ей быть поласковее...

Ивонна Кармино вздыхала, разглядывая морщины, мозоли, темные пятна и огрубевшие, грязные, в трещинах, ногти на руке Полетты. Она положила рядом свою руку и принялась сравнивать. Ну да, она моложе и не такая тощая, но главное – жизнь ее сложилась по-другому. Работала не так тяжело, видела больше любви и нежности... Уже очень давно она негнула спину в саду. Муж все еще валял дурака с картошкой, но все остальное они с превеликим удовольствием покупали в супермаркете, во всяком случае, овощи там чистые и не приходится обдирать латук до самой сердцевины из-за слизняков... У нее была семья: Жильбер, Натали, любимые внуки... А что имела в сухом остатке Полетта? Ничего. Ничего хорошего. Покойный муж, дочь-потаскуха и внук, который вообще перестал ее навещать. Одни только заботы и воспоминания – сплошные огорчения и невзгоды...

Ивонна Кармино пребывала в задумчивости: что за жизнь была у Полетты? Такая жалкая. И неблагодарная. А ведь Полетта... Она была такой красивой в молодости! А какой доброй! Как сияла ее улыбка... И что же? Куда все это подевалось?

В этот момент губы старой дамы зашевелились, и Ивонна тут же выбросила из головы все эти глупые философствования.

– Полетта, это Ивонна. Все хорошо, душечка... Я приехала, чтобы забрать вас, и ...

– Я умерла? Это наконец случилось? – прошептала она.

– Конечно, нет, милая моя! Конечно, нет! Вовсе вы не умерли, еще чего!

– А... – прошептала Полетта, закрывая глаза. – Ах...

Это ее «ах» было просто ужасным. Короткое «ах» – и столько разочарования, отчаяния и уже смирения.

Ах, я не умерла... Ах так... Ах, тем хуже... Ах, простите меня...

У Ивонны было другое мнение:

– Ну же, Полетта, мужайтесь! Нужно жить! Все-таки нужно жить!

Старая женщина едва заметно осторожно повела головой справа налево. В знак печального, но явного сожаления. В знак несогласия.

Возможно, впервые...

И наступила тишина. Ивонна не знала, что ей сказать. Она высморкалась и с нежным участием вновь взяла руку.

– Они отправят меня в богадельню, так ведь?

Ивонна подпрыгнула.

– Боже, конечно, нет! Вовсе нет! Зачем вы так говорите? Они вас подлечат, только и всего! Через несколько дней будете дома!

– Нет. Я точно знаю, что нет...

– Вот еще новости! И почему, скажите на милость, дорогая моя девочка?

Санитар знаком попросил ее говорить потише.

– А как же мой кот?

– Я о нем позабочусь... Не беспокойтесь.

– А мой Франк?

– Мы позвоним ему и позовем его, сейчас же. Я возьму это на себя.

– Я не знаю его номер телефона. Я его потеряла...

– Я отыщу!

– Нет, не нужно его беспокоить... Он так много работает, вы же знаете...

– Да, Полетта, я знаю. Я оставлю ему сообщение. Знаете, как это сегодня заведено... У всех ребят есть сотовый телефон... Никакого беспокойства...

– Скажите ему, что... что я... что...

Она задыхалась.

Когда машина, одолев подъем, подъезжала к больнице, Полетта Лестафье прошептала со слезами: «Мой сад... Мой дом... Отвезите меня домой, пожалуйста...»

Ивонна и молодой санитар уже успели встать.